

Received: August 2, 2012 | Reviewed: August 18, 2012 | Accepted for publication: August 20, 2012

UDC: 821.161.1.09-2"19"(092)Шварц Е.

[https://doi.org/10.20235/lc.2012\(2\).14](https://doi.org/10.20235/lc.2012(2).14) | [Research Article Citations](#)

СИЛА ЛЮБВИ – «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»?!
(на материале пьесы Евгения Шварца «Обыкновенное чудо»)/
IS THE POWER OF LOVE AN "ORDINARY MIRACLE"?!
(based on Evgeny Schwartz's play "An Ordinary Miracle")

Ecaterina NICULCEA

Lecturer

("Alec Russo" Balti State University, Republic of Moldova)

ecaterina.niculcea@usarb.md, <https://orcid.org/0009-0003-4411-8393>

Abstract

The author investigates, from a literary perspective, the problem of love in E. Șvarț's play "A Traditional Miracle".

Keywords: *factor, feeling, essence, characteristic*

Rezumat

Autoarea cercetează, din perspectivă literară, problema dragostei în piesa lui E. Șvarț „O minune tradițională”.

Cuvinte-cheie: *factor, sentiment, esență, caracteristică*

В период античности сильное влечение представителей разных полов друг к другу рассматривалось как один из важнейших факторов человеческого существования, вследствие чего любовь приняла конкретно-чувственный образ богини Иштар в Месопотамии, Афродиты в Греции, Венеры в Риме. В эпоху средневековья чувство, которое в древнем мире не раз воспевалось поэтами (любовная лирика Сафо, Алкея, песни Анакреонта, поэзия Катулла, Овидия), изображалось прозаиками (романы Апулея, Петрония), трактовалось драматургами (трагедии Софокла, Еврипида, комедии Плавта), заклеямили, как греховное и противопоставили ему любовь к Богу, любовь возвышенную, лишенную всех мирских/суетных желаний.

Постепенно любовь, приобретая дополнительные оттенки, отвоевывает свои позиции: в эпоху классицизма она предстает как верность долгу и интересам государства, любовь к возвышенному, идеальному пронизывает произведения романтиков, на любви как одном из важнейших основ межличностных отношений строятся произведения писателей и поэтов-реалистов, любовь как плотское наслаждение красной нитью проходит по текстам авторов-модернистов. К многогранной сущности любви, которую писатели, поэты, драматурги раскрывали на протяжении ряда столетий, обращается и Евгений Шварц в пьесе «Обыкновенное чудо», впервые опубликованной в 1956 году (Шварц, 1984, с. 185). Любовь предстает в произведении как сложное явление, которое включает разнообразные ее проявления, такие как:

- любовь мужчины и женщины («Пятнадцать лет я женат, а влюблен до сих пор в жену свою, как мальчик» (Шварц, 1988, с. 364));
- страдания как проявления любовного томления («И каждый разя, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдет сюда. Она уже седая теперь, наверное. Седая. Давно замужем... И все-таки я мечтаю хоть голос ее услышать. Эмилия, Эмилия ...» (Шварц, 1988, с. 383)); ненависть, родившееся из любви, как результат нанесенной обиды («Вы так обидели меня, что я все равно отомщу вам! Я докажу вам, как вы мне безразличны. Умру, а докажу!» (Шварц, 1988, с. 390));
- отказ от любви во имя блага другого — апогей любви («А ты что сделал из любви к девушке?» — «Я отказался от нее» (Шварц, 1988, с. 403));
- умение прощать как неотъемлемый признак любви («Так люблю, что все прощу вам» (Шварц, 1988, с. 411));
- любовь родителей к детям, детей к родителям («Уж вы не обижайте мою дочку» (Шварц, 1988, с. 370), «В траве буду прятаться от родной дочери, но не брошу ее» (Шварц, 1988, с. 382) и «Я очень тебя люблю, отец» (Шварц, 1988, с. 382));
- любовь как физиологический процесс («То, что вы называете любовью, — это немного неприлично, довольно смешно и очень приятно» (Шварц, 1988, с. 396) и «от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно» (Шварц, 1988, с. 409));
- верноподданническое почитание вышестоящих чинов («Я люблю министров» (Шварц, 1988, с. 409));
- любовь к «братьям меньшим» («Терпеть не могу, когда для собственной забавы мучают животных. Слона заставляют танцевать в кисейной юбочке, соловья сажают в клетку, тигра учат качаться на качелях» (Шварц, 1988, с. 366));
- любовь к мелким житейским радостям («Но вы должны любить мед...» (Шварц, 1988, с. 367));
- любовь к славе («Борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта» (Шварц, 1988, с. 384));
- любовь к своему делу/искусству («Охотники ... делают ... все это не из любви к наживе, не из честолюбия, нет, нет! Их ведет благородная страсть!» (Шварц, 1988, с. 387));
- самодовольство, тщеславие («Люблю рассказывать о делах, которые удались» (Шварц, 1988, с. 398));
- отрицание любви («Нет никакой любви на свете!» (Шварц, 1988, с. 396));

– любовь как средство познания или преобразования мира («Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из любви к ближнему. Из любви к родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад — из любви к истине. Землю перестраивают из любви к прекрасному») (Шварц, 1988, с. 403).

Перечисленные проявления в большинстве случаев невозможно однозначно определить как положительные или отрицательные. Их морально-этические характеристики меняются в зависимости от ситуации, но несомненно то, что каждое из них в большей или меньшей степени является неотъемлемой частью человеческой жизни.

Центральное место в пьесе занимает чувство, вспыхнувшее в сердцах молодых людей Медведя и Принцессы. Об этом зрителям сообщает в прологе «человек»: «у нас — речь пойдет о любви» (Шварц, 1988, с. 363) и продолжает: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга» (Шварц, 1988, с. 363). Развитие их чувств друг к другу проходит несколько четко выраженных стадий, разработанных немецким теоретиком Густавом Фрейтагом (Wilpert, 2001, с. 188). Первоначально они влюбляются друг в друга (завязка), расстаются, при новой встрече узнают о препятствиях на их пути к счастью (кульминация), а долгожданная встреча в доме Хозяина и Хозяйки приносит им заслуженное счастье (развязка).

Зародившиеся при первой встрече у Медведя и Принцессы чувства переданы имплицитно. Медведь называет принцессу «милая девушка» (Шварц, 1988, с. 373), а она говорит о нем: «вы такой спокойный, радостный, простой» (Шварц, 1988, с. 374). Но и этих намеков достаточно, чтобы привести молодых людей в смятение. Это понимает и Хозяйка, невольно подслушавшая их беседу: «Ну вот и налетел ураган, любовь пришла. Бедные дети, счастливые дети!» (Шварц, 1988, с. 375).

Счастье, которое испытывают юноша и девушка, недолговечно. Пока молодые люди ничего не знают друг о друге, они остаются беззаботными детьми. Возврат к привычной обстановке и домашнему окружению в миг разрушает их мимолетное счастье. Медведь узнает о социальном статусе своей спутницы, а Принцесса узнает, что ее друг терпеть не может принцесс. Высокое положение пугает и отталкивает молодого влюбленного в силу условия Хозяина, согласно которому он «превратится в дикого зверя», как только Принцесса его поцелует. И хотя девушка представляется ему кем-то особенным, доброй, очаровательной, несколько наивной, Король с уверенностью утверждает: «Она совсем не похожа на королевскую дочь» (Шварц, 1988, с. 371), юноша отказывается от своих чувств к ней. При встрече в гостинице, когда Принцесса, переодетая в мальчика, беседует со своим любимым, Медведь открыто высказывается о своих чувствах к Принцессе: «Я очень серьезно влюбился!».

(Шварц, 1988, с. 389) и о ее любви к нему: «в довершение беды я вдруг увидел ясно, что и она влюбилась в меня тоже» (Шварц, 1988, с. 389).

Неожиданный поворот происходящему придают слова Принцессы: «я все равно отомщу вам! Я докажу вам, как вы мне безразличны. Умру, а докажу!» (Шварц, 1988, с. 390). Глубоко уязвленная и сильно страдавшая от того, что ее любовь отвергнута, она хочет отомстить Медведю, не понимая мотивов, побудивших его к этому шагу. Юноша знает об истинных чувствах Принцессы, но в то же время поддается своему «уязвленному» самолюбию: ведь Принцесса нанесла ему оскорбление своим намеренным пренебрежением к его любви. Так постепенно, шаг за шагом, Е. Шварц изображает переход от любви к ненависти.

Противостояние Медведя и Принцессы построено в последующих сценах по принципу «действие — контрдействие». Их каждый поступок ставит своей целью причинить страдание любимому. Желание мучить и стремление отомстить за мнимое унижение, каким юным влюбленным представляется отказ ответить любовью на любовь, побудило Принцессу выбрать в мужа первого встречного, а Медведя сделать предложение фрейлинам принцессы Оринтии и Аманде.

Но в этой игре, причиняющей столько страданий обоим влюбленным, побеждает не любовь, не взаимное влечение, заставившее их испытать столько страданий, а их пассивность. Кульминационный момент беседы, завершающийся трагически для молодых людей, раскрывает их неумение бороться и преодолевать препятствия. Они отступают, сдают, хотя и прикрывают свою беспомощность глубиной чувств. Медведь объясняет Принцессе: «Ведь я поклялся, что скорее умру, чем обижу вас. Простите!» (Шварц, 1988, с. 402), девушка отвечает Королю: «Я его слишком люблю» (Шварц, 1988, с. 402). Лишь слова Хозяина раскрывают перед Медведем истинную суть любви, заставляют его устыдиться своего малодушия, подталкивают к решительному действию. Поэтому закономерным представляется внезапное решение Медведя разыскать Принцессу.

Но разобралась ли Принцесса в своих чувствах? Лишь когда «Смерть подошла так близко» (Шварц, 1988, с. 410), что переход в небытие становится неизбежным, потому что «нет ... счастья» (Шварц, 1988, с. 405), и девушка готова простить Медведю все, она постигает тайну любви: умение прощать — основа любви. К своему удивлению, Принцесса осознает, что ее ощущения еще прекраснее, чем она ожидала. Ее переполняет радость и счастье, ведь благодаря произошедшим в ней изменениям она может быть рядом с любимым. С этого момента готовность к прощению объединяет влюбленных и позволяет им совершить чудо — «обыкновенное чудо». Именно теперь, когда и Медведь, и Принцесса прошли свой путь страданий, свой катарсис, они становятся достойны друг друга.

Итак, первоначально молодые люди в порыве чувств принимают за любовь свое влечение друг другу, к этому их побуждают молодость, красота, горячность, страстность, а так же сходство во взглядах на мир. Но лишь в конце пьесы они начинают познавать и другие аспекты любви: любить другого ради него самого, т.е. таким, каков он есть, а также умение прощать и жертвовать ради блага другого.

Конец пьесы допускает, на наш взгляд, несколько трактовок. Одна из них предложена «человеком» из пролога: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга... Едва не умирают от любви. И наконец, сила их чувства доходит до такой высоты, что начинает творить настоящие чудеса» (Шварц, 1988, с. 363). Принцесса полюбила молодого человека в его человеческом облики и приняла его животную природу, как одну из его особенностей, как изначальную, неизменную данность, как часть ее. Медведь не превратился в дикое животное, потому что для влюбленной в него девушки он был медведе-человеком, которого она полюбила во всей противоречивости его натуры. При такой трактовке становится понятной реплика Охотника: «Но я видел, видел, как он превратился в медведя!» (Шварц, 1988, с. 414). Даже если юноша и превратился в Медведя, то для Принцессы его новое обличье, которое он обрел согласно условию Хозяина-волшебника, ничего не значит, потому что она любила егосамого.

Рассмотрим еще один вариант трактовки «сцены поцелуя», на наш взгляд наиболее соответствующий замыслу автора. Сила любви, которая пробудилась в Медведе, превращает его в настоящего человека, венчая таким образом творение Хозяина, и без того счастливого тем, что он сделал «из живого ... еще более живое» (Шварц, 1988, с. 367). Любовь возвышенная и чистая — это чувство, которое составляет сущность человека, отличает его от животного. Поэтому Хозяин в восхищении замечает: «Любовь так переплавил его, что не стать ему больше медведем» (Шварц, 1988, с. 414). Юноша Медведь на какую-то долю секунды действительно превратился в зверя, эту метаморфозу и заметил Охотник, но истинное чувство уничтожило в нем все звериное, и он стал настоящим человеком, человеком чувствующим.

Медведю и Принцессе противопоставлены давние влюбленные Эмиль и Эмилия. В молодости они совершили ошибки, которые привели их к разрыву, такие же, какие могут совершить и молодые герои из ложного самолюбия, непонимания, не умения прощать. Эмиль и Эмилия — это вспомогательные герои, но их история может повториться, и в этой новой истории действующими лицами будут Медведь и Принцесса. Закономерен вывод Эмиля в третьем действии: «Погубил я свое счастье, прозевал» (Шварц, 1988, с. 404), даже несмотря на свадьбу со своей любимой и все еще продолжающую гореть в его сердце любовь к ней. Сам Хозяин-волшебник поясняет роль этой взрослой, опытной, много

страдавшей пары: «они будут помогать молодым, помня свои минувшие горести» (Шварц, 1988, с. 412). И хотя они поступают по-своему: «А они взяли да и обвенчались» (Шварц, 1988, с. 412), вопреки желанию Хозяина, их пример доказывает, что обрести покой и умиротворенность возможно, если научиться доверять своим чувствам, не мимолетным, а искренним и глубоким. Это еще предстоит Медведю и Принцессе.

История отношений Эмиля и Эмили не разворачивается перед глазами зрителей, как история Медведя и Принцессы. Большая ее часть – это краткие ретроспекции обоих влюбленных. Эмилия, при дворе известная как Первая дама, после побега Принцессы впервые говорит о своей несчастной любви: «Много, много лет назад, государь, я стояла у окна, а юноша на черном коне мчался прочь от меня по горной дороге. Была тихая-тихая лунная ночь. ... Топот копыт все затихал и затихал вдали и наконец умолк навеки... Ни разу с той поры не видела я бедного мальчика» (Шварц, 1988, с. 381). Хотя острота чувств осталась прежней, несчастье сломило ее, она смирилась со своей судьбой. Эмиль, в котором никто больше не узнает представителя высшего света, стал известен, как трактирщик. Тон его воспоминаний о днях своей молодости и об Эмили совершенно иной, чем у его любимой. Расставшись с дорогой девушкой, он продолжает любить ее, так же сильно, как и прежде. В словах Эмили сквозит безысходность, в размышлениях Эмиля звучит надежда на новую встречу, побудившая его открыть трактир у дороги: «Трактир «Эмилия»! Трактир «Эмилия»... Эмилия... Да, да... Проходят охотники, проезжают дровосеки, волокут волоком мачтовые сосны, странники бредут неведомо куда, неведомо откуда, и все они позвонят в колокол, постучат в дверь, зайдут отдохнуть, поговорить, посмеяться, пожаловаться. И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдет сюда. Она уже седая теперь, наверное. Седая. Давно замужем... И все-таки я мечтаю хоть голос ее услышать. Эмилия, Эмилия...» (Шварц, 1988, с. 383).

Первая встреча Эмиля и Эмили после долгого расставания демонстрирует глубину их чувств. Несмотря на то, что прямые изъяснения чувств в их диалоге отсутствуют, но ряд упреков: «Вы целовались с ним на балконе!», «А вы танцевали с дочкой генерала», «Вы шептались ей что-то на ухо все время!» (Шварц, 1988, с. 392), выдает их сожаление о произошедшем, о потерянных годах совместного счастья. Внешние изменения не играют значительной роли для Эмиля: «Что мне маска, которую надело на вас время!» (Шварц, 1988, с. 391), его больше пугает новый образ Эмили: «Бедная, гордая, нежная Эмилия! Разве он понимал, на ком женат, проклятый грубиян» (Шварц, 1988, с. 393). Встреча со светлым прошлым меняет Придворную даму, не сразу, постепенно. Высказанные лишь спустя годы упреки, объяснение истинных мотивов прежних поступков, помогают влюбленным снова соединиться.

Восстанавливая хронологическую последовательность событий, составляющих историю любви Эмиля и Эмили, выделяем следующие этапы: любовь — непонимание и ревность — расставание (боль) — встреча (вспышка/возрождение любви) — воссоединение (свадьба). Действие пьесы охватывает лишь последние два этапа, первые четыре переданы через картины-воспоминания.

Сравнивая развитие взаимоотношений Медведя и Принцессы приходим к выводу, что история их любви проходит на глазах у зрителя, повторяя во всех стадиях историю Эмиля и Эмили. При этом узы, связывающие молодых людей, характеризуются несколькими дополнительными чертами. Замысел Хозяина, превращение юноши в Медведя, придает всем дальнейшим событиям сильную ноту трагизма, а последующее знакомство юноши и девушки приближает предначертанную трагическую развязку.

Судьба Медведя и Принцессы, Эмиля и Эмили отодвигают на второй план историю Хозяина и Хозяйки, как справедливо отметила Е. Скороспелова в статье «Сказочник и его время» (Скороспелова, 1988, с. 14), хотя именно их чувствам друг к другу обязана своим рождением история «обыкновенного чуда», о котором говорит волшебник. На протяжении пятнадцати лет в основе их взаимоотношений лежит любовь. Из желания поговорить с женой о любви родилась история, которая вызвала у Хозяйки смех и слезы. Хозяйка в свою очередь из любви к мужу готова простить его шалости и более серьезные проступки: «Я люблю тебя, я не сержусь» (Шварц, 1988, с. 412). Отметим, что эту истину постепенно осознают и Медведь с Принцессой (ср.: Шварц, 1988, с. 411).

Хозяйка неоднократно закликает мужа любовью к ней вернуть Медведю его звериный облик, и волшебник, размышляя о своих чувствах к жене, поднимается над своими личными чувствами и переходит к более абстрактным заключениям: «Я, на свою беду, бессмертен. Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. А пока — ты со мной, и я с тобой. С ума можно сойти от счастья. Ты со мной. Я с тобой. Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец. Слава безумцам, которые живут себе, как будто они бессмертны, — смерть иной раз отступает от них» (Шварц, 1988, с. 412). И хотя он: «взял и собрал людей и перетасовал их, и все они стали жить» (Шварц, 1988, с. 412), в его власти превратить медведя в юношу, убедить Короля покинуть замок, засыпать гостиницу снегом, не пускать Медведя к Принцессе, он не всемогущ. Пробудить, зажечь чувство любви в ком-то из своих героев, он не в силах.

Хозяин-волшебник сочиняет историю о любви, но в то же время вся драма на экстра-/интер-/интратекстуальном уровне представляется

произведением, написанным для жены драматурга, Екатерины Ивановны Шварц. Так, желание Хозяина поговорить с женой о любви является одновременно возможностью и для автора пьесы выразить свои чувства к любимой женщине (Ср.: Житие, 1991, с. 221).

Наряду с благородными чувствами, которые испытывают друг к другу Медведь и Принцесса, Эмиль и Эмилия, Хозяин и Хозяйка, в пьесе присутствует также и другое понимание любви, исповедуемое министром-администратором. Для него любовь, о которой говорят, Медведь, Принцесса, трактирщик, придворные — «это немного неприлично, довольно смешно и очень приятно» (Шварц, 1988, с. 396), а так как он сам «ниразу не влюблялся. Следовательно, нет любви!» (Шварц, 1988, с. 396), а значит «раздуватели чувств, мучители душ человеческих... лгут будто совесть существует в природе, уверяют, что сострадание прекрасно, восхваляют верность, учат доблести и толкают на смерть обманутых дурачков! Это они придумали любовь. Нет ее!» (Шварц, 1988, с. 397).

Свое неприятие любви Министр-администратор выражает не только посредством нигилистического подхода к ней, выраженного в повторях: «Нет ее!» (2 раза) и его вариантах: «Нет никакой любви на свете!», «Следовательно, нет любви!», но и с помощью эвфемизмов: «от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно» (Шварц, 1988, с. 409). В приведенной цитате любовь низводится до средства распространения заразы, не смертельной, но легко отступающей перед врачебным вмешательством.

Все представления Министра-администратора о любви сводятся к физиологическим потребностям: «Приходите к амбару. Мне ухаживать некогда ...» (Шварц, 1988, с. 377-378), и являются результатом его жизненного опыта. Не случайно Первый министр его Величества охарактеризовал этого государственного чиновника как мошенника и делягу, человека «без сердца и разума» (Шварц, 1988, с. 408), а придворная дама, обращаясь к нему, требовательно восклицает: «Замолчите презренный!» (Шварц, 1988, с. 396). Отметим, что выражение «человек без сердца» подразумевает жестокость, отсутствие сочувствия и пренебрежительное отношение к чувствам других.

Сходную, на первый взгляд, позицию по отношению к любви занимает монах-эконом из ближайшего к трактиру монастыря. О нем мы можем судить лишь по ответам трактирщика на его реплики: «Отец эконом! Ау-у-у-у! ... Здравствуй старик! ... Ну ладно уж, перестань охать да причитать, переходи к делу. Так, так, понимаю. А ты что? А настоящий что? А она что? Ха-ха-ха! Вот пустая бабенка? Понимаю!» и далее: «ты ничего не понимаешь в любви, ты монах! Чего? Ну какая же это любовь, старый бесстыдник!» (Шварц, 1988, с. 404).

Монах-эконом не отрицает существование любви: для него она неразрывно связана с физическим наслаждением, тем более, что для священнослужителя подобные чувства — запретный плод. Его ответы, в отличие от слов Министра-администратора не вызывают резко отрицательной реакции трактирщика, а лишь его исполненные добрым юмором укоры.

Неоднозначно отношение фрейлин принцессы Аманды и Оринтии к любви. В их словах отсутствует ярко выраженный нигилизм Министра-администратора, но в то же время они не высказываются об этом чувстве определенно. Прямолинейность не характерна в особенности для Оринтии. Сложное отношение к любви — следствие первого неудачного чувственного опыта фрейлин, так что Аманда превратилась в ветреную особу: «Я влюбляюсь теперь во всех кому не лень. Все равно!» (Шварц, 1988, с. 397), а Оринтия в девушку без собственного мнения, готовую утверждать, все что угодно, чтобы только ее слова соответствовали ожиданиям окружающих: «Я говорю о любви то, чего от меня ждут» (Шварц, 1988, с. 397).

Отношение фрейлин к любви радикально меняется с появлением семьи. И хотя молодые женщины не могут назвать себя хорошими женами: «Думаю, что ничего себе» (Шварц, 1988, с. 410), признавая тем самым свои недостатки, они страстно любят своих мужей и детей: «я так страшно люблю своего мужа и ребенка... Что мне бывает иной раз трудно, невозможно сохранить разум» (Шварц, 1988, с. 410).

Итак, Е. Шварц рассматривает любовь не только как чувство, рождающееся из отношений представителей противоположных полов, т.е. он выходит за рамки интерпретации любви как этической категории, но и обращается к ее проявлениям в общественной жизни, как одной из составляющих существования человека в окружающей его действительности. При этом драматург выделяет ее следующие аспекты: любовь к родине, верность долгу, любовь к дому, соблюдение веками складывавшихся традиций, демонстрируя, тем самым, политический, социальный, философский аспекты этого чувства.

Неотъемлемой частью человеческой природы является любовь детей к родителям и родителей к детям. Этот аспект можно проследить на примере отношений Принцессы и Короля. Глава государства совмещает государственные и родительские функции. Как отец Король стремится оградить свою дочь от тлетворного влияния придворной жизни, в то время как сам является центром антигуманного отношения к людям.

Для Принцессы Король прежде всего отец и лишь затем монарх. Она исполнена любви к нему как отцу: «Я очень тебя люблю, отец» (Шварц, 1988, с. 382). Скупые слова, сказанные в минуту эмоционального подъема, выражают самую суть взаимоотношений Короля-отца и Принцессы-дочери. Потрясение девушки, когда она видит в своем отце не справедливого

монарха и доброго правителя, а мелочного обманщика, находит выражение в замкнутости и отрешенности, скрывающих ее мучительное прозрение: «Ее, видите ли, поразило, что папа, ее папа может сказать неправду. Стала она скучать, задумываться, томиться» (Шварц, 1988, с. 372).

Теплые чувства Короля к дочери проявляются в его словах и в характере его поступков. Как отец он готов последовать за ней, куда угодно, чтобы защитить и уберечь тем самым от недоброжелателей. Любовь и забота о дочери звучит в его словах, обращенных к Хозяйке и Хозяину: «Друзья, друзья мои, какое счастье, что я так люблю только родную дочь!» (Шварц, 1988, с. 370), «Уж вы не обижайте мою дочку» (Шварц, 1988, с. 370), беспокойством проникнуто его восклицание: «Скачет верхом! Без дороги! В горы! Она заблудится! Она простудится! Упадет с седла и запутается в стремени! За ней! Следом!» (Шварц, 1988, с. 382). Озабоченный резкой сменой ее настроения и готовностью выйти замуж за первого встречного, Король снова перевоплощается в заботливого отца: «Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... То ли мне хочется музыки и цветов, то ли зарезать кого-нибудь. Чувствую, чувствую смутно-смутно — случилось что-то неладное, а взглянуть в лицо действительности — нечем...» (Шварц, 1988, с. 399). Так, даже горячая отцовская любовь оказывается бессильной преодолеть врожденную королевскую беспомощность, приближая предрешенный трагический финал.

В пьесе присутствует также любовь к природе и в частности к животным. Нежелание, граничащее с неспособностью причинить «братьям нашим меньшим» страдания, предстает как одно из проявлений любви к ним. Так, Хозяйка просит мужа вернуть Медведю его прежний облик, превратить его вновь в медведя: «Сейчас же, сейчас же преврати его в медведя, если ты меня любишь! Отпусти его на свободу!» (Шварц, 1988, с. 367), потому что она не может выносить, «когда для собственной забавы мучают животных. Слона заставляют танцевать в кисейной юбочке, соловья сажают в клетку, тигра учат качаться на качелях» (Шварц, 1988, с. 366). Сходную мысль высказывает Принцесса: «Я его слишком люблю для этого» (Шварц, 1988, с. 402), после того как Король предлагает ей оставить Медведя при дворе: «Мы бы его причесывали, приручали. Он бы нам бы иногда плясал бы...» (Шварц, 1988, с. 402).

В обычной трактовке любовь характеризуется как положительное чувство, но оно может становиться отрицательным, если выражает склонность к порокам, таким как самовлюбленность, тщеславие, подлострастие, самоуверенность. Носителями этих качеств в пьесе являются Министр-администратор и Охотник. Первый не испытывает теплых чувств к людям и категорически отрицает существование любви, как возвышенного

чувства, находя при этом физическую близость особенно привлекательной. Но это не мешает ему восхищаться самим собой, многократно подчеркивать свою значимость в характерной для него манере «говорить с высока», а также бахвалиться своими победами. Так, в беседе с Хозяйкой он утверждает: «я привлекателен» (Шварц, 1988, с. 378), обращаясь к Королю он называет его уменьшительно-пренебрежительно «королек» (ср.: Шварц, 1988, с. 409), хвастается перед придворными: «Расскажу с удовольствием. Люблю рассказывать о делах, которые удались» (Шварц, 1988, с. 398).

В образе Охотника нашло выражение раболепное почитание высокопоставленных чиновников. Охотник представлен как подбострастный подданный Короля, заискивающий перед государственными должностными лицами, и хотя его реплика: «Я люблю министров» (Шварц, 1988, с. 409) имеет комическое продолжение: «но только вежливых» (Шварц, 1988, с. 409), жизненная позиция этого героя в ней выражена верно. Так, обращаясь к Королю, Охотник старается всячески ему угодить: «Простите, ваше величество. ... Рад служить, ваше величество! Сюда, пожалуйста, ваше величество. Я вас провожу» (Шварц, 1988, с. 394).

Уничжительное отношение к себе сочетается у Охотника с маниакальным стремлением к славе. Вот как он говорит о себе: «Я сам охотник! Знаменитый!» (Шварц, 1988, с. 387). На эту черту указывает и Трактирщик: «Борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта» (Шварц, 1988, с. 384). Возвеличивая себя, Охотник gloryфицирует также и охотничье мастерство: «Охотники – это самые достойные люди на земле! Это все честные, простые парни. Они любят свое дело. Они вязнут в болотах, взбираются на горные вершины, блуждают по такой чаще, где даже зверю приходится жутко. И делают они все это не из любви к наживе, не из честолюбия, нет, нет! Их ведет благородная страсть!» (Шварц, 1988, с. 387). Вследствие чего даже такое благородное чувство как любовь к делу своей жизни становится отрицательным, ведь результатом охотничьей славы является уничтожение зверей: «Не считая мелкой дичи, я подстрелил на своем веку пятьсот оленей, пятьсот коз, четыреста волков и девяносто девять медведей».

Наряду с масштабной интерпретацией любви неожиданным представляется короткий и на первый взгляд ничем не примечательный эпизод: обращаясь к Медведю, Хозяйка говорит: «Вы должны любить мед...» (Шварц, 1988, с. 367). Эти слова отражают эпикурейский взгляд на жизнь: любовь не рассматривается больше как возвышенное чувство, а как пристрастие к таким обыденным вещам как еда. В случае с Медведем любовь к меду является непреодолимой тягой. Таким образом, любовь, сохраняя интенсивность как свою особенную характеристику, с

романтических категорий переносится на приземленные, обыденные процессы, такие как принятие пищи.

В пьесе выделяется любовь, как категория веры, как особая христианская добродетель. Король говорит о себе: «почетный святой, почетный великомученик, почетный папа римский нашего королевства» (Шварц, 1988, с. 401). Авторская ирония, обращенная на деятельность Короля, выражается тройным повторением прилагательного «почетный» и иерархически по нисходящей расположенных номинантов, обозначающих степень святости, но несочетающихся с действиями Короля, такими как казни, отравления, ложь. Итак, Король, являясь главой государства и церкви, объединяет светскую и церковную власть. В перечислении церковных званий монарха важным представляется следующая категория: степень святости, которой удостоились религиозные деятели, проповедники христианской веры, великие мученики — это критерий для почитания и поклонения. Таким образом, провозвестники христианства становятся объектами любви в ее религиозном понимании (ср.: Библия, 1994, Кол. 1, 3-8), согласно которому: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,/ не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,/ не радуется неправде, а сорадуется истине;/ все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит./ Любовь никогда не перестает» (Библия, 1994, 1 Кор. 13, 4-8). Именно поэтому отказ Первого министра видеть в своем государе самого могущественного религиозного деятеля на земле воспринимается как бунт. Король утрачивает значительную долю святости и перестает быть объектом поклонения, которое сказывается на его могуществе как правителя, его понижают до генеральского чина с одной стороны, и до простого аскета, подвижника, отшельника с другой стороны, так что монарх лишается одновременно светской и церковной власти.

Сложное, не поддающееся однозначной интерпретации чувство любовь проходит красной нитью через произведение: оно обуславливает поступки и слова героев пьесы. Яркий неожиданный всплеск эмоций, каким представлена любовь, передается, прежде всего, традиционным номинантом «любовь», его грамматическими формами, однокоренными лексемами, а также однокоренными лексическими единицами с преобразованной семантикой.

№	Часть речи с указанием формы слова	Примеры с указанием частотности употребления
Лексемы с корнем -люб-		
1.	Существительное	любовь (7), о любви (8), от любви (7), за любовь, с любовью (2), из любви (6), нет любви (3), придумали любовь, в любовь (2), в любви (2)

2.	Приставка в- + существительное, образованное от причастия	с влюбленными, для влюбленного, (к) влюбленным (2), от/для влюбленных (2), почтенным влюбленным, влюбленные
3.	Прилагательное	в любовную историю, в любовные дела его любимую жену
4.	Приставка в- + прилагательное	влюбленная девушка, влюбленную девушку, двое влюбленных детей
5.	Приставка в- + краткое прилагательное	влюблен (в жену) (3), были влюблены, была влюблена
6.	Глагол	Любите! (2), любить (2), любишь, (не) люблю (16), любите, не любил (2), любит (2), любят, любить
7.	Приставка в- + глагол	влюбляются, (не) влюбится (2), влюбилась (2), влюбился (3), влюбляться (3), влюблялся, влюбляюсь, влюблялась
8.	Приставка раз- + глагол	разлюбит
9.	Приставка по- + глагол	полюбит, полюбили
10.	Деепричастие	любя
11.	Идиоматическое выражение	Совет да любовь!
Однокоренные лексемы с преобразованной семантикой		
12.	Существительное	вашей любезностью
13.	Существительное, образованное от краткого прилагательного	любезные (6), любезный
14.	Сложное существительное	из честолюбия
15.	Прилагательное	на ... поклоны наших любезных подданных
16.	Глагол	любуюсь
17.	Наречие	любезно
118 примеров = 0,742 %		

По результатам статистического подсчета лексические единицы с корнем *-люб-* и близкие им по значению лексемы (всего 118 примеров) составляют 0,76% всего текста. При подсчете не учитывались имена героев, названные перед каждой репликой, а также авторские ремарки. Представленные в таблице лексемы составляют незначительную долю текста, но они распределены в пьесе таким образом, что складывается впечатление, будто другие темы, кроме темы любви, выходят за рамки действия.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в пьесе используется лишь пять частей речи, обозначающих чувство, которое герои испытывают друг к другу, действие, вызванное этим чувством, качество, приобретенное после вмешательства чувств, образ действия, а также сопутствующие виды деятельности. Вместе с тем языковое оформление темы любви не

кажется однообразным, а наоборот поражает своей вариативностью. Подобный эффект достигается словообразовательными приемами, такими как префиксальный способ и переход одной части речи в другую. Подобной семантической трансформации подвергаются существительные с приставкой *в-*, глаголы с приставками *в-*, *раз-*, *по-*, прилагательные с приставкой *в-*. Особое значение в данном контексте приобретают однокоренные лексемы с преобразованной семантикой. Так, например прилагательное «любезный» означает «милый, дорогой», а «честолюбие» приобретает значение «жажда известности, почестей, стремление к почетному положению».

Таким образом, лексические единицы, обозначающие чувство, передающие его качественную характеристику, выражающее действие, рожденное пробудившимися чувствами, при всей своей немногочисленности создают неповторимую ауру, насыщенную яркими чувственными картинками.

Многочисленные проявления любви намечены автором лишь в общих чертах, при этом каждое упоминание о них приобретает форму афоризма по краткости выражения (форма) и объемности семантической нагрузки (содержание). Реплики героев, как например рассуждения Хозяина, Хозяйки, Медведя, Министра-администратора и др., насыщенные краткими фразами с ярко выраженным афористическим характером, придают действию непрестанно усиливающиеся эмоциональное напряжение.

В драме Е. Шварца любовь предстает как комплексный феномен, как неотъемлемая часть межличностных отношений (любовь между юношей и девушкой, детьми и родителями), как черта, присущая религиозному мировоззрению, как имманентная характеристика, определяющая взаимоотношение человека и окружающего мира, природы, как философская категория.

«Обыкновенное чудо» — энциклопедия проявлений любви: мучительного, но в тоже время прекрасного земного чувства, любви к близким, природе, делу своей жизни, с одной стороны, и любви к славе, наживе, сладострастью, тщеславию с другой.

Использованная литература

Wilpert, G. von. (2001). *Sachwörterbuch der Literatur*. Im: *Gero von Wilpert*. 8., verb. u. erw. Aufl. Kröner.

*** (1994). *Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета*. Межконфессиональное Библейское общество / *** (1994). *Bibliya. Knigi svyashennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta*. Mezhkonfessionalnoe Biblejskoe obshchestvo.

*** (1991). *Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце* (сост. Л.В. Поликовская, Е.М. Биневиц). Книжная палата / *** (1991). *Zhitie skazochnika. Evgenij Shvarc. Iz avtobiograficheskoy prozy. Pisma. O Evgenii Shvarce* (sost. L.V. Polikovskaya, E.M. Binevich). Knizhnaya.

Ожегов, С. (1960). *Словарь русского языка* (4-е издание, исправленное и дополненное). Государственное издательство иностранных и национальных словарей / Ozhegov, S. (1960). *Slovar russkogo yazyka* (4-e izdanie, ispravlknnoe i dopolnennoe). Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannyh i nacionalnyh slovarej.

Скорospelова, Е. (1988). Сказочник и его время. В: Шварц, Е. *Обыкновенное чудо: Пьесы, сценарии, сказки, автобиограф. проза, воспоминания* (составление и вступительная статья Е. Скорospelовой, комментарии Е. Десяткина, Е. Цимбаевой). Литература артистикэ / Skorospelova, E. (1988). *Skazochnik i ego vremya*. V: Shvarc, E. *Obyknovennoe chudo: Pesy, scenarii, skazki, avtobiogr. proza, vospominaniya* (sostavlenie i vstupilnaya statya E. Skorospelovoj, kommentarii E. Devyatajkina, E. Cimbaevoy). Literatura artistike.

Шварц, Е. (1988). *Обыкновенное чудо: Пьесы, сценарии, сказки, автобиограф. проза, воспоминания* (составление и вступительная статья Е. Скорospelовой, комментарии Е. Десяткина, Е. Цимбаевой). Литература артистикэ / Shvarc, E. (1988). *Obyknovennoe chudo: Pesy, scenarii, skazki, avtobiogr. proza, vospominaniya* (sostavlenie i vstupilnaya statya E. Skorospelovoj, kommentarii E. Devyatajkina, E. Cimbaevoy). Literatura artistike.

Шварц, Е. (1984). *Позиция* (комментарии Е. Биневи́ча). *Современная драматургия*, 4, 178-185 / Shvarc, E. (1984). *Poziciya* (kommentarii E. Binevicha). *Sovremennaya dramaturgiya*, 4, 178-185.